

© Лепский В.Е.
Lepsky V.

ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЯЕМОГО ХАОСА – ОРУЖИЕ РАЗРУШЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ РАЗВИТИЯ

TECHNOLOGY OF CONTROLLED CHAOS – WEAPON OF DESTRUCTION OF SUBJECTIVITY

Аннотация. Обоснована точка зрения, что технологии управляемого хаоса – это новый неконтролируемый международными организациями вид оружия массового поражения, инструмент в мирнопроектной борьбе. Рассмотрены исходные посылки, методологические основы и задачи концепции управляемого хаоса. Особое внимание уделено задаче разрушения субъектности развития. Проведен анализ использования технологий управляемого хаоса в разрушении субъектности развития России. Предложен вариант ответа на вопрос: «Почему система национальной безопасности России адекватно не реагировала на технологии управляемого хаоса?» Обоснована актуальность проблемы международного правового регулирования использования технологий управляемого хаоса, инициатором ее постановки могла бы выступить Россия.

Annotation. Substantiated the view that technology is controlled chaos – a new uncontrolled international organizations, weapons of mass destruction, a tool in the fight miroproektnoy. We consider the assumptions and methodological foundations and objectives of the concept of controlled chaos. Particular attention is paid to the problem of the destruction of subjectivity. The analysis of the use of technology controlled chaos in the destruction of Russia's development of subjectivity. A variant of the answer to the question: «Why is Russia's national security does not adequately respond to the technology of controlled chaos?» The urgency of the problem of international legal regulation of the use of technology controlled chaos, initiated its production could make Russia.

Ключевые слова. Технология, управляемый хаос, оружие разрушения, субъектность развития.

Key words. Technology, controlled chaos, the weapons of destruction, subject development.

Сегодня Россия пытается встать на путь выхода из глубокого кризиса, охватившего политическую, экономическую, социальную и духовную жизнь страны. Это проявляется с 2002 г. в призывах ее руководства к обществу, бизнесу и государству перейти на инновационный путь развития, а также в выделении достаточно больших финансовых средств на такое развитие. Однако инновационное развитие топчется на месте. Значит дело не в деньгах, а в чем-то другом.

Основная причина низких темпов перехода страны на инновационный путь развития связана, на наш взгляд, с недооценкой проблемы субъектности российского развития, в силу чего в ряде случаев проекты носят ярко выраженный характер неконтролируемых бизнес-проектов в интересах узкой группы лиц. В них слабо представлена социальная ориентация в интересах граждан России, кому по закону принадлежат основные ресурсы, используемые

в проектах инновационного развития [1].

В то же время иного выбора у страны нет. Инерционный и сырьевой сценарии – путь в пропасть. Только на основе инновационного развития Россия может обеспечить экономический рост, конкурентоспособность, безопасность, достойное качество жизни ее населения, стать одним из мировых лидеров, поэтому жизненно важно набрать должные его темпы.

Ясно и другое: без консолидации всех ветвей власти, интеллектуально-духовной элиты и общества в целом инновационное развитие России обречено на провал. Если раскол между властной элитой и рядовыми россиянами будет углубляться, не помогут никакие проекты.

Для качественного изменения ситуации нужны новые высокие гуманитарные технологии, а также проекты формирования и организации стратегических субъектов российского развития, что составляет суть вы-

Лепский Владимир Евгеньевич – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИФ РАН, директор Международного института рефлексивных процессов, тел. (495)543-36-76.

Lepsky Vladimir - doctor of psychological sciences, professor, chief researcher at the IF RAS, Director of the International Institute of reflective processes, tel. (495)543-36-76.

зова интеллектуальным силам страны.

В данной статье поднимается проблема анализа технологий разрушения субъектности развития, которые, на наш взгляд, эффективно были применены в России, в частности, как технологии управляемого хаоса. Эта проблема нас интересует не для поиска врага или вскрытия какого-либо «заговора», а для детализации технологий разрушения субъектности и последствий их применения, для дальнейшей постановки проблемы их нейтрализации и ликвидации последствий. Мы надеемся, что данная статья будет полезна тем, кто попытается остановить процессы разрушения субъектности развития страны и организовать процессы становления субъектности инновационного развития. Сможет ли Россия перестать быть жертвой управляемого хаоса? Сегодня это главный вопрос, определяющий наше будущее.

1. К истокам понятия «динамический хаос»

Хаос древнейшая гуманитарная категория мифологии и философии, которая в XIX в. дополнилась естественнонаучным пониманием статистического (теплого) хаоса, а в XX в. еще и динамического хаоса в детерминированных системах и когнитивного хаоса в теории сложности.

Любой эволюционный процесс выражен чередой смен противоположных состояний - порядка и хаоса, которые соединены фазами перехода к хаосу (гибели структуры) и выхода из хаоса (самоорганизации).

Повышенный научный интерес к проблеме хаоса появился под влиянием работы И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой», вышедшей на Западе в 1979 г. (в переработанном виде в 1984 г.) и переведенной в России впервые в 1986 г. В этой книге, имеющей серьезные философские идеи, но сделанной в основном на материале физики и химии, хаос рассматривался как следствие динамической неустойчивости сложных систем. Понятие сложности явилось центральным в теории хаоса. Новым же явилось давно забытое старое: хаос обладает не только разрушительной силой, но может стать источником порядка [2].

Использование парадигмы «динамического хаоса» позднее было перенесено и на анализ трансформирующегося общества и привлекло внимание многих исследователей. Интерпретация хаоса как системной структуризации нелинейных изменений и бифуркаций позволяет выявлять парадоксы социального развития. Этот подход требует не только формализованного представления, но и адекватного методологического обеспечения [3].

В контексте данной статьи важно отметить, что

этот подход может использоваться как для социального созидания, так и для асоциального разрушения и геополитических манипуляций.

2. Исходные посылки и задачи концепции «управляемого хаоса» в мировой экономике и мировой политике

В 70-е годы прошлого столетия стали вырисовываться очертания процессов, ориентированных на формирование Нового мирового порядка. Основными идеологами и участниками этих процессов выступили Римский клуб, а в дальнейшем Трехсторонняя комиссия, Бильдербергский клуб, фабрики мысли типа «Рэнд корпорейшн», Институт Санта Фе и др. Разработанные ими общие принципы были конкретизированы в работе МВФ, Всемирного банка, ВТО и др. [4].

Фактически без объявления и широкой огласки была организована нового типа мировая война, в которой применялись средства создания в национальных экономиках и социальной сфере управляемого хаоса. Это парадоксальное понятие предполагает, что в хаос превращалась экономическая и социальная жизнь стран, которые становились жертвой этой войны. А сами агрессоры, которые сидели у пульта управления этим оружием, держали хаос в стане противника под контролем, для них он был целенаправленно созданным особым *порядком*.

Этот новый вид боевых действий подробно описал один из его разработчиков и экспертов Стивен Манн, который лично участвовал в создании многих очагов *управляемого хаоса* в разных точках мира (в том числе и в СССР). Он прямо говорит о необходимости «усиления эксплуатации критичности» и «создания хаоса» как инструментах обеспечения национальных интересов США. В качестве механизмов «создания хаоса» у противника он называет «содействие демократии и рыночным реформам» и «повышение экономических стандартов и ресурсных потребностей, вытесняющих идеологию».

Согласно С.Ману, существуют следующие средства создания хаоса на той или иной территории:

- содействие либеральной демократии;
- поддержка рыночных реформ;
- повышение жизненных стандартов у населения, прежде всего в элите;
- вытеснение ценностей и идеологии [5].

Эти ключевые положения и реализуются в настоящий момент на постсоветском пространстве в ходе постперестроечных перемен, венчаемых «оранжевыми революциями». Это и создает ту специфическую среду ослабленного национального духа разлагающегося госу-

дарства и национально-культурные традиции, в которой весьма комфортно чувствуют себя всевозможные экстремистские движения.

Деидеологизация, идейный плюрализм, сбрасывание «балласта» ценностей, резкое повышение материальных запросов, прежде всего в элите, потеря управляемости экономикой, беспредел «демократических», якобы самостийных, движений (часто имеющих этноконфессиональную окраску) — все это сознательно, на четко и подробно разработанной научной основе внедряемые составляющие «управляемого хаоса», служащие главной цели — демонтажу ныне существующих национальных государств, традиционных культур и цивилизаций. На их место должно, по замыслу глобалистов, прийти нечто совершенно новое, а именно — общество, состоящее из людей со стертой исторической памятью (что, в свою очередь, достигается при помощи особых технологий, относящихся в основном к сфере СМИ и образования).

В основу организации управляемого хаоса положена перестройка массового сознания и мировоззрения посредством жесткого воздействия современных средств манипуляций всей духовной сферой человека с применением информационных и социально-культурных технологий. Это — *мировая информационно-психологическая война*. В ходе ее было достигнуто разрушение культуры солидарности, широкое внедрение культа денег и социал-дарвинистских стереотипов в представления о человеке и обществе. Способность больших масс населения к сопротивлению, самоорганизации и развитию была резко снижена.

Технологии управляемого хаоса — это новый неконтролируемый в настоящее время международными организациями вид *оружия массового поражения* для установления мирового порядка в интересах стороны его применяющей. Технологии управляемого хаоса — это инструмент в миропроектной борьбе.

Анализ последствий воздействия данного рода технологий позволяет выделить две основные задачи организаторов их использования.

Во-первых, задача *сокращения численности населения*, не представляющего интерес для организаторов нового мирового порядка. Неолиберальные реформы приводят к демографической катастрофе, снижая рождаемость и вызывая скачок смертности. Сексуальная революция, пропаганда гедонизма и потребительства, индивидуализм резко сокращают рождаемость. Социал-дарвинизм и равнодушие к бедствию ближних лишают людей воли к жизни и подстегивают смертность. Формирование огромного социального дна из нищих, бездо-

мных и беспризорников создало ненасытный механизм «эвтанизии» — эти категории людей быстро умирают. А «дно» втягивает в себя все новые контингенты [4].

Во-вторых, задача *ослабления или разрушения национальных государств*, с перехватом управления этими государствами со стороны транснациональных корпораций, транснациональных преступных синдикатов, наднациональных органов и организаций, подконтрольных инициаторам запуска технологий управляемого хаоса. При решении этой задачи имело место совмещение «мягких форм» технологий управляемого хаоса с варварскими военными агрессиями (например, Югославия, Ирак). Как следствие, эти процессы должны вести к концентрации контроля над финансовыми, военными и информационными ресурсами мирового сообщества со стороны организаторов управляемого хаоса.

Аргументом обоснованности такого рода тенденции служат результаты анализа экономических аналитиков, которые показывают, что рост экономики ведущих стран достигается не за счет развития производства, а посредством перераспределения богатства между сильными и слабыми странами. Достигается это с помощью резкого ослабления национального государства (обычно после затягивания его в долговую ловушку), приватизации и скупки всех видов национальных ресурсов, включая природные [6]. При этом и национальное государство под давлением международных финансовых институтов начинает служить инструментом такой глобализации — прежде всего, проводя приватизацию и сокращая расходы на социальные нужды и на поддержание таких национальных систем, как наука и культура. Государства же организуют потоки массовой нелегальной миграции рабочей силы, делая ее совершенно бесправной и резко удешевляя ее цену [4].

Результатом решения двух рассмотренных задач является решение более скрытой, но самой важной для организаторов управляемого хаоса задачи *разрушения субъектности развития* стран, попавших под воздействие технологий управляемого хаоса. Фактически это скрытая форма уничтожения конкурентов в самых доходных экономических сферах, каковыми в настоящее время и в будущем являются высокие технологии. Уже сегодня доходы от высоких технологий превышают доходы от сырьевой и энергетической сфер, в ближайшие годы разница будет нарастать на порядки.

В данной статье в центре внимания оказывается именно задача разрушения субъектности развития, поскольку поставленный нами и разделяемый многими специалистами диагноз состояния нашей страны, не

способной в течении более чем двух десятилетий перейти на инновационный курс развития – бессубъектность российского развития [7,8].

Эта болезнь поразила в той или иной степени всех основных участников реформационного процесса (государство, общественные и политические сообщества, социальные институты). Главные ее симптомы: блокировка рефлексии; неспособность адекватно воспринять и оценить сложившуюся ситуацию, подняться над нею, самоопределиться и самоидентифицироваться; отсутствие смелых, хорошо обдуманых «прорывных» идей и готовности, умело взаимодействуя с другими субъектами, их реализовать. Указанные симптомы «грубо и зримо» проглядывают в образе мышления и действий всех основных субъектов современной России, в том числе и власти, что достаточно точно фиксируется аналитиками:

- *государство не является четко выраженным субъектом управления и развития*, не сформировало стратегию развития (понимаемую и принимаемую большей частью населения), не обеспечило нормальных условий жизни своим гражданам и соблюдения основных конституционных прав;

- *существенную роль* в управлении всеми сферами экономики и общественной жизни играют коррумпированные чиновники, криминал и другие асоциальные элементы;

- *«средний класс» атрофирован*, дезорганизован, не включен в реальные механизмы управления и развития;

- *политические партии и движения в основной своей массе имеют бутафорский характер*;

- *общественные (не политические) образования слабо организованы* и практически не влияют на социальные процессы;

- *граждане* в подавляющем большинстве *социально пассивны*, имеют трудноразрешимые проблемы с самоидентификацией (государственной, этнической, семейной и др.).

Для того чтобы успешно лечить главную болезнь России – бессубъектность, необходимо разобраться в механизмах разрушения субъектности, одним из которых являются технологии управляемого хаоса.

3. Методологические основы технологий управляемого хаоса

В последние десятилетия в науке происходят принципиальные изменения, связанные, согласно мнению академика В.С.Степина, со становлением постнеклассического этапа ее развития. Не принимая во внимание этих изменений, мы рискуем упустить из виду прин-

ципиальные изменения в понимании рациональности в науках об управлении и организации.

Традиционное представление об управлении родилось в контексте классической науки, и оно ограничилось *парадигмой «субъект-объект»*.

Неклассический тип научной рациональности учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Экспликация этих связей рассматривается в качестве условий объективно-истинного описания и объяснения мира. Но связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями по-прежнему не являются предметом научной рефлексии, хотя имплицитно определяют характер знаний (определяют, что именно и каким способом мы выделяем и осмысливаем в мире).

В контексте неклассической науки развитие представлений об управлении в основном связано с преодолением ряда ограничений парадигмы «субъект-объект».

Естественнонаучные традиции содержат в себе ряд скрытых постулатов [9].

Постулат первый: «Теория об объекте, имеющаяся у исследователя, не является продуктом деятельности самого объекта». Этот постулат фиксирует доминирующее положение исследователя по отношению к объекту. Утверждение, что «природа не злонамеренна», является одной из форм осознания этого постулата.

Постулат второй: «Объект не зависит от факта существования теории, отражающей этот объект». Второй постулат порождает возможность говорить о свойствах и законах, присущих вещам. Они существуют объективно и лишь фиксируются исследователем.

В соответствии с этими постулатами отношения между исследователем и объектом описываются схемой «субъект-объект». Этот же тип отношений был положен в методологические основы построения кибернетики. Принципиальная ограниченность этого подхода в теории управления отчетливо проявилась при попытках моделирования социальных систем, конфликтных взаимодействий, процессов общения, социальных и психологических феноменов, в которых поведение объекта оказывалось существенно зависящим от отношений с исследователями, от «модели ситуации, которую строил объект», от целей объекта и исследователя и их взаимных представлений.

Переход в управлении от парадигмы «субъект – объект» к парадигме «субъект – субъект» ведет к новым представлениям об управлении; появляются рефлексивное управление [9], информационное управление [10], управление активными системами [11] и др.

Постнеклассический тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. В нем учитывается соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с внеаучными, социальными ценностями и целями, решается задача осмысления ценностно-целевых ориентаций субъекта научной деятельности в их соотношении с социальными целями и ценностями.

Такое понимание постнеклассической научной рациональности предполагает введение в контекст любых научных исследований «*полисубъектной среды*», на фоне которой они проводятся. Среда, которая включает в себя наряду с различными типами субъектов совокупность ценностей мирового культурного развития; среды, которая сама рассматривается как саморазвивающаяся система. Ключевой для теории управления в рамках постнеклассической науки становится *парадигма «субъект – полисубъектная среда»*. В рамках этой парадигмы основным типом управления становится *полисубъектное* управление. Исходные посылки и рефлексивные модели полисубъектного управления были впервые сформулированы В.А.Лефевром [9].

В контексте постнеклассической рациональности под управлением понимается не жесткая детерминация систем, а «мягкие формы управления» - создание условий для их развития. В саморазвивающихся системах имеет место система онтологий [12], в которой находят место различные механизмы социальных воздействий: управление (в контексте классической и неклассической науки), организация, модерирование, медиация, поддержка, стимулирование и др.

Парадигма управления «субъект - полисубъектная среда» может использоваться не только для управления развитием социальных систем, но и для их разрушения и снижения способности к развитию. Ярким примером является концепция «управляемого хаоса», которая базируется на самых современных научных представлениях.

4. Технологии управляемого хаоса в разрушении субъектности развития России

Сегодня в России исследованы и обозначены механизмы появления болезни «бессубъектности» и разрушения государственности. Это – внешний перехват инициатив в реформировании отечественной экономики путем некритического использования западных моделей (неадекватных российским условиям); доминирование сырьевой ориентации; создание режима благо-

приятствования для бурного роста коррупции в системе государственного управления, проникновения в него финансово-промышленных группировок и криминальных структур; ангажирование отдельных лидеров российской системы управления и их использование для управления страной «извне»; навязывание либерального императива «невмешательства» государства в социальное строительство в качестве гаранта неотвратимости подлинно демократических преобразований, и другие. Все рассмотренные признаки вписываются в механизмы «концепции управляемого хаоса».

Проведенный нами анализ позволил выявить эскиз обобщенной схемы «концепции управляемого хаоса»:

1. Предварительная подготовка к организации «управляемого хаоса», предпочтительно в условиях возникновения острых политических и экономических кризисов.
2. Организация «управляемого хаоса».
3. Формирование новой организованности для внешней управляемости.
4. Частичная потеря внешней управляемости.
5. Антикризисная самоорганизация или дальнейшая хаотизация?

Рассмотрим примеры технологий реализации «концепции управляемого хаоса» в России с 90-х годов до настоящего времени.

Предварительная подготовка к организации «управляемого хаоса». Формирование сети агентов влияния для обеспечения процессов организации хаоса и последующего перехвата управления. Подготовка команды «чикагских мальчиков», в основном из выпускников местных вузов, организация их стажировки в американских университетах. Им дают необходимые знания экономического анализа предприятий и отраслей народного хозяйства с целями их будущей приватизации и покупки транснациональными корпорациями. «Чикагские мальчики» становятся сначала преподавателями в ВУЗах, а потом переходят на работу в правительство, часть из них получают возможность стать олигархами.

Очень важно, чтобы эти люди были небогаты, умны, циничны, алчны и космополитичны. Они не должны любить свою Родину. Они не должны жалеть свою страну. Они не должны охранять и образовывать свой народ, помогать ему. Такие слова как «совесть», «патриотизм», «помощь» должны быть вычеркнуты из их лексикона и стать ругательными.

Одни должны любить себя и свои будущие удовольствия и яхты. Другие - любить свои безумные идеи и будущие Нобелевские премии. «Чикагским мальчикам» сле-

дует избегать популярности, и влиять не на народ, а на официальных правителей. Они должны быть догматично преданы идее «разгосударствления экономики», «свободного рынка» а также послушны заокеанским друзьям и международным финансовым организациям [13].

Подготовительный этап обеспечивал создание кадрового резерва «властной элиты», готовой к разрушению субъектности развития своей страны.

Организация «управляемого хаоса». Механизмы разрушения субъектности развития через организацию «управляемого хаоса» рассмотрим в контексте их влияния на параметры простейшей модели субъектов инновационного развития [1]. Не претендуя на полноту, приведем примеры конкретных воздействий, направленных на разрушение в России отдельных базовых качеств субъектности развития (целеустремленность, рефлексия, коммуникативность, свобода влияния на события в стране, способность к развитию).

Нейтрализация целеустремленности развития:

- разрушение сложившейся и как-то работающей системы управления страной, прежде всего за счет внедрения кадрового резерва «чикагских мальчиков» и их лоббирования [14];

- инфекция коррупцией, формирование культа денег [8];

- бюрократизация государственной системы [4];

- отстранение научного сообщества от управления страной и ее развития [1, 21];

- актуализация системы мифов: «рынок сам все регулирует», «административно-командная система – это зло», «все западные товары лучше отечественных» [14, 15].

Блокировка рефлексии:

- массовый экспорт культовых организаций (образовательных, например, «Лайф Спринг» и др.; религиозных, например, сайентология и др.) [16];

- экспорт политических технологий «блокировки рефлексии» в избирательные кампании [17, 18];

- превращение СМИ в субъектов рыночной экономики [19];

- насаждение примитивной массовой культуры [20] и др.

Разрушение коммуникативных связей:

- индивидуализация через неолиберализм, атомизация общества;

- разрушение связей ближайшего социального окружения (через культовые организации, снижение качества жизни у большей части населения и др.) [16];

- разрушение транспортных магистралей внутри страны [1];

- разжигание межэтнических и межконфессиональных противоречий [4, 14];

- чрезмерное расслоение общества на богатых и бедных (создание коммуникативных барьеров) [4, 14];

- блокировка противодействию разрыва связей между поколениями [15] и др.

Ограничение свободы влияния на события:

- широкое внедрение манипулятивных технологий в избирательные кампании (известны случаи прихода к власти партий, фактически не имеющих программы) [17, 18];

- насаждение неолиберальной идеологии, а как следствие индивидуализма и «атомизации» общества [4, 14];

- насаждение культа денег и системы примитивных ценностей (предложенная З.Бжезинским технология разрушения концепции бытия) [8];

- свертывание независимых СМИ [14];

- стимулирование сверхвысокой коррупции и криминализации общества [4, 14] и др.

Ограничение возможностей развития:

- разрушение отечественной науки и образования [1, 21];

- организация системы мероприятий по деиндустриализации страны - разрушительная приватизация довела многие предприятия, в том числе стратегические, до банкротства, после чего они выкупались по демпинговым ценам, после чего либо владели жалкое существование, либо окончательно разрушались, чтобы не создавать конкуренции транснациональным корпорациям, а также разрушение профессионального образования [1, 4, 14];

- блокировка контроля за вывозом капитала из страны [14];

- вовлечение в грабительский вариант кредитной зависимости от международных финансовых систем [4, 14];

- блокировка противодействию импортной зависимости в жизненно важных сферах [14];

- призывы руководства страны к модернизации и переводу страны на инновационный путь развития, без разработки адекватных стратегий развития и формирования субъектов их реализации [21];

- блокировка активного участия общества в развитии страны [14, 21] и др.

Как следствие системного воздействия на базовые качества субъектности в России, была сформирована бессубъектность развития, и, прежде всего, инновационного развития. Для восстановления субъектности необходимо (но не достаточно) восстановление соответствующих базовых качеств [1, 15].

Формирование новой организованности для внешнего управления. После выполнения основных задач организации «управляемого хаоса», формирования бессубъектности управления и развития были созданы благоприятные условия для создания «ручной властной элиты» и формирования новой организованности для внешнего управления. Приведем примеры технологий работы с властной элитой:

- активное использование и лоббирование зараннее сформированных и ангажированных представителей властной элиты;
- монополизация власти коррумпированными чиновниками;
- установление контроля над властной элитой (мониторинг зарубежных счетов и финансово-экономических нарушений представителей властной элиты и др.);
- активное массовое включение представителей властной элиты в международные общественные структуры (Ротари Клуб, People to People International, фонд Маршалла и др.).

При этом продолжалась активная работа по дальнейшему «оболваниванию» населения. Насаждение примитивной массовой культуры (например, телепередачи типа «Дом-2» и др.). Блокирование законопроектов по наведению порядка в информационной сфере (законопроекты «Об информационно-психологической безопасности», «О защите детей от информации, наносящей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию» и др.).

Последовательно продолжался развал науки и образования [21].

Частичная потеря внешней управляемости.

Условия «управляемого хаоса», способствуя формированию высочайшей коррупции, создают также предпосылки усиления властной элиты, которая начинает стремиться к повышению уровня своей самостоятельности. Этому, в частности, способствовали следующие факторы:

- осознание самодостаточности властной элиты;
- осознание потенциальных личных проблем при развале страны;
- озабоченность сохранением своих материальных активов;
- угрозы мирового финансово-экономического кризиса;
- ослабление и отвлеченность на другие проблемы внешнего управляющего.

Как следствие, наблюдается повышение самостоятельности властной элиты. В частности, это прояви-

лось во внешней политике через ориентацию на многополярный мир, активном предотвращении агрессии Грузии против Южной Осетии, в разработке стратегических планов до 2020 года, в жесткой позиции в «газовой войне», в резком расширении состава партнеров в экономической и военной сфере и др.

Антикризисная самоорганизация или дальнейшая колонизация? Мировой финансово-экономический кризис и вовлеченность в военные конфликты в определенной степени отвлекает внимание Запада от России и способствует созданию благоприятной ситуации для восстановления субъектности развития. У страны появляется шанс вырваться из «объятий» стратегов «управляемого хаоса».

Сможем ли мы им воспользоваться и стать одним из лидеров инновационного развития? Если нет, то нам уготована участь сырьевого придатка, фактически статус колонии, реальная потеря суверенитета.

Особенности использования технологий управляемого хаоса в некоторых странах. В России технологии управляемого хаоса носили относительно «мягкий» и долгосрочный в реализации характер, чем в ряде других стран, что определялось в значительной степени наличием ядерного оружия и объектов повышенной опасности.

Специфика использования технологий управляемого хаоса на Украине связана с ориентацией на разжигание национализма, что создало возможности организации более динамичных процессов разрушения субъектности развития, чем в России.

Специфика использования технологий управляемого хаоса в Косово была связана со столкновением на небольшой территории больших проектов и интересов, стоящих за ними субъектов (проект «Великая Албания», исламский проект, мафиозный проект наркотрафика, террористический проект, военно-энергетический проект) [24].

В Ираке, Афганистане, Югославии, Грузии и других странах была также своя специфика, однако полученный результат везде одинаков – разрушение субъектности развития.

5. Почему система национальной безопасности России адекватно не реагировала на технологии управляемого хаоса?

В России концепции и доктрины национальной и отдельных направлений безопасности базируются на законе РФ от 5 марта 1992 г. N 2446-I «О безопасности» (с изменениями от 25 декабря 1992 г.). Безопасность понимается как состояние защищенности жизненно важных

интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Этот закон отражает культуру обеспечения безопасности социальных систем сложившуюся в нашей стране в середине прошлого века; основные ее признаки проявляются в следующих неявных установках:

- авторитарность подхода к безопасности, доминанта самодостаточности государства для решения любых проблем безопасности;
- установка на дистанцирование личности, общества и государства, игнорирование механизмов сборки (субъектообразования);
- установка на статичность интересов личности, общества и государства;
- «окопная логика», фокусировка внимания на состоянии защищенности от угроз, а не на способности адекватно действовать в динамично изменяющихся условиях;
- игнорирование проблемы безопасности гармонии социально-политической и экономической организации с традициями российской цивилизации;
- игнорирование проблемы безопасности легитимности власти и идентификации граждан;
- игнорирование проблемы безопасности системы национальных проектов;
- игнорирование проблем безопасности инновационного развития;
- игнорирование стратегичности социальных систем как базового критерия их безопасности [22].

Эти установки позволяют оставлять вне поля внимания системы национальной безопасности главный фактор выживания страны в современных условиях – способность к развитию.

Очевидно, что в начале XXI века эти установки архаичны, остро встает проблема формирования современного методологического обеспечения национальной безопасности России, поскольку она для своего сохранения должна становиться на путь интенсивного развития.

«Стратегия национальной безопасности до 2020 года» ориентирована сделать шаг на установление взаимосвязи проблем безопасности и развития. «Главную идею этого документа можно кратко определить как безопасность через развитие» - так сформулировал сущность Стратегии Д.Медведев на заседании Совета безопасности 24 марта 2009 г. В тексте самой Стратегии сказано, что «концептуальные положения в области обеспечения национальной безопасности базируются на фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года и Кон-

цепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года».

Однако эти позитивные установки остаются не обеспеченными реальными планами и ответственными субъектами их осуществления. Более того, в Стратегии неадекватно оценивается сложившаяся ситуация как в стране, так и в мировом сообществе, что находит свое отражение в утопических прогнозах ближайшего будущего России. Сетую на «низкие темпы перевода национальной экономики на инновационный тип развития», авторы Стратегии похоже не знают, что такой «перевод» еще даже не начат (хотя и продекларирован высшим политическим руководством) [23].

Как следствие, этот документ не позволяет адекватно реагировать на бурные изменения современного мира, которые бросили вызов сложившимся в XX веке концепциям безопасности социально-экономических систем. Эти изменения в первую очередь связаны с процессами формирования постиндустриального общества, процессами глобализации, снижением роли государств и увеличением роли «скрытых» субъектов социального управления. Указанные изменения в XXI веке становятся фундаментальными, поэтому и способность систем к изменениям должна быть все более глубокой и масштабной.

Нами с позиций субъектно-ориентированного подхода было предложено рассмотрение проблем безопасности в неразрывной связи с проблемами развития [22].

Обеспечение безопасности социальных субъектов – это обеспечение их способности к социальному воспроизводству и развитию в условиях динамично изменяющейся среды, а также защищенность их проектов жизнедеятельности и развития.

Обеспечение национальной безопасности – это обеспечение способности граждан, общества и государства к совместному социальному воспроизводству и развитию в условиях динамично изменяющейся среды, а также защищенность стратегических и обеспечивающих национальных проектов.

В настоящее время принято выделение частных направлений безопасности с привязкой к сложившимся областям знания: экономическая, военная, информационная безопасность и др. Такой подход вызывает справедливую критику у ряда специалистов по безопасности. Предлагаемый пересмотр понятия безопасности предопределяет и иные основания для выделения направлений безопасности, ориентированных на способность субъектов к социальному воспроизводству и развитию, например, онтологической, идентификационной, инновационной, рефлексивной и др.

Заключение

В последние десятилетия все чаще приходится констатировать формирование в крайне короткие сроки бессубъектности развития в различных странах мирового сообщества (Чили, Россия, Югославия, Украина, Грузия, Афганистан, Ирак и др.). Причины ее возникновения в каждом конкретном случае имеют свою специфику, однако во всех случаях просматриваются некоторые общие черты, которые можно объединить в рамках концепции управляемого хаоса. Происхождение этой концепции обусловлено тем, что под эгидой привнесения «демократии» организаторы настойчиво выстраивают на своем усмотрение мир, не гнушаясь для достижения своих целей прибегать к созданию в «непослушных-недозревших» странах и регионах режима «управляемого хаоса».

Организаторы (пользователи) управляемого хаоса ориентированы, на наш взгляд, на достижение двух основных целей: перехват управления в стране или регионе и блокирование потенциальной и реальной способности к развитию, прежде всего инновационному развитию.

Фактически «концепция управляемого хаоса» - это новая форма колониальной политики, превращение ряда стран в обслуживающий придаток «избранных» го-

сударств или сообществ. При этом предполагаются и реализуются неравноправные, грабительские отношения товарообмена и присвоения собственности «колоний». В конечном итоге, результатом применения «концепции управляемого хаоса» является организация «бессубъектности» в стране или регионе, на который направлены воздействия организаторов «управляемого хаоса».

Негативные последствия от воздействия такого «мягкого» оружия по масштабам вполне соизмеримы с принятыми представлениями о воздействиях оружия массового поражения. Использование технологий управляемого хаоса явно противоречит принятым международным нормам о невмешательстве во внутренние дела государств. Эти аргументы дают основания для постановки проблемы запрета и организации международного контроля над использованием технологий управляемого хаоса. Россия в последние десятилетия была активным инициатором правового регулирования в сфере международной информационной безопасности, сегодня она могла бы выступить также инициатором в сфере международного правового регулирования использования технологий управляемого хаоса.

Литература

1. Лепский ВЕ. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию – М.: «Когито-Центр», 2009. – 208 с.
2. Пригожин И, Стенгерс И. Прядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М: Эдиториал УРСС, 2000.
3. Малинецкий Г. Хаос. Туники, парадоксы, надежды // Компьютера. 1998. №47.
4. Батчиков С. Глобализация – управляемый хаос. http://derzava.com/art_desc.php?aid#177
5. Mann SR. Chaos Theory in Strategic Thought // *Parameters*. Autumn 1992. P. 62. Цит. no: M.S.G. Nitzschke. *United States Marine Corps Vietnam: A Complex Adaptive Perspective* Mann, Steven R. *Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters (US Army War College Quarterly)*, Vol. XXII, Autumn 1992, pp. 54–68.
6. Перкинс Д. «Исповедь экономического убийцы», М., «Претекст», 2007.
7. Лепский ВЕ. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // *Рефлексивные процессы и управление*. Том 2, №1, 2002. С.5-23. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2002_1.htm
8. Итопалитов КХ, Лепский ВЕ. О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // *Рефлексивные процессы и управление*. Том 3. №1. 2003. С.5-27. http://www.reflexion.ru/Library/Itopol_2003.htm
9. Лефевр ВА. Конфликтующие структуры. М.: Сов.радио, 1973.-158с.
10. Кононов ДА, Кульба ВВ, Шубин АН. Информационное управление: принципы моделирования и области использования // *Труды ИПУ РАН*. Т. XXIII. - М.: ИПУ РАН. 2004. С. 5-29.
11. Бурков ВН, Кондратьев ВВ. Механизмы функционирования организационных систем. М.: Наука, 1981.-384с.
12. Лепский ВЕ. Онтология субъектно-ориентированной парадигмы управления и развития / *Рефлексивные процессы и управление*. Сборник материалов VI Международного симпозиума 10-12 октября 2007 г., Москва / Под ред. ВЕ.Лепского.-М. «Когито-Центр», 2007. С.59-61.
13. Н. Кляйн Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф.- М.: Добрая книга. 2009. – 656с.
14. Лисичкин ВА, Шелестин ЛА. Россия под властью plutократии. История черного десятилетия. (Серия: Национальный интерес.) – М.: Алгоритм, 2003. – 480 с.
15. Проблема субъектов российского развития. Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход» 16-19 октября 2006, г. Звенигород / Под ред. ВЕ.Лепского. М.: «Когито-Центр», 2006. – 232 с. <http://www.reflexion.ru/Library/Book2006.pdf>
16. Лепский ВЕ., Степанов АМ. Особенности рефлексивных процессов в культовых организациях // *Рефлексивные процессы и управление*. 2002, №2. С. 59-72. http://www.reflexion.ru/Library/J2002_2.pdf
17. Информационно-психологическая безопасность избирательных компаний /Под редакцией Брушлинского АВ. и Лепского ВЕ. М.: Институт психологии РАН, 1999.-98с.
18. Лепский ВЕ. Рефлексивный анализ политического PR в России: аспект построения гражданского общества // *Рефлексивное управление*. Сборник статей. Международный симпозиум 17-19 октября 2000 г., М.: изд-во «Институт психологии РАН», 2000.

С.169-179.

19. Лепский В.Е. Субъектно-ориентированная парадигма СМИ: гармония информационной безопасности и развития России / Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2-х т. Т.1: Телевизионные и рекламные коммуникации / Под ред. А.И.Донцова, Я.Н.Засурского, Л.В.Матвеевой, А.И.Подольского.-М.: Аспект Пресс, 2002. С.19-29. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky2002_b.doc

20. Емельянов Г.В., Лепский В.Е., Стрельцов А.А. Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности России // Информационное общество. 1999. №3. С.47-51. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_1999_d.htm

21. Методологические аспекты инновационного развития России. Проектно-аналитическая записка Клуба инновационного развития Института философии РАН по итогам работы КИР за 2009 год // Рефлексивные процессы и управление. Том 9, № 1-2, 2009. С. 5-28. http://www.reflexion.ru/Library/J2009_1-2.pdf

22. Лепский В.Е. Развитие и национальная безопасность России // Экономические стратегии. 2008. №2. С. 24-30.

23. Кортунов С.В. Россия в мировой политике после кризиса // Мировая политика в условиях кризиса: Учеб. Пособие для студентов вузов / Под ред. С.В. Кортунова. – М.: Аспект Пресс, 2010. С. 398-401.

24. Овчинский В.С. «Независимость» Косово в зеркале теневой политики: Аналитический доклад. - М.: ИНФРА-М, 2008.-32с.

Материал поступил в редакцию 19. .09. 2010 г.